

Как быть с фактами

«Зачем старательно обходить факты, которые не устраивают нас в данный момент!» — восклицает автор статьи. Но как же обращается с фактами сам Ю. Андреев? Комментируя публикацию в еженедельнике «Семья» фрагментов из поэмы А. Галича «Кадеш», посвященной памяти Януша Корчака, Ю. Андреев пишет: «Но ведь что делает Галич: этот человеческий подвиг, эту великую трагедию, порожденную фашизмом, он использует как повод для излияния своей неимоверной неприязни к... послевоенной Польше!». Но позвольте! О какой Польше идет речь в поэме? О Польше Шопена, Тувима, Костюшко или о Польше паясничавших «гоммукулусов» и их присных? Сконструированный Галичем термин «гоммукулус» однозначно определяет тех, на кого направлена «неимоверная неприязнь» Галича. И в этом не смог разобраться главный редактор «Библиотеки поэта»? Трудно поверить.

Р. ГУТМАН,
инженер.

КИШИНЕВ.

Такое надо доказать

Да, среди публикуемых текстов Галича в 60-е годы было немало неудачных, легковесных, но среди них я не встречал людоедских, подбострастных, кадящих власть имущим. Зачем же поэтические неудачи изображать политическим грехом? И если, по Андрееву, Галич жил фальшивой жизнью, то почему же он не каялся, не отрекался от своих «бардовских» стихов? А ведь если бы он поплакался, покаялся (как делали некоторые), его бы снисходительно простили и оставили бы в Союзе писателей, и не исключили бы из Литфонда, и имел бы он свой кусок хлеба с маслом...

Наконец, мысль статьи о сближении Галича с «открыто антисоветской» профсоюзной организацией». Тут уж надо либо точно, с цитатами и фактами в руках, доказывать это, либо просто об этом не писать, ибо такие слова, брошенные вскользь, пахнут посмертным доносом.

О. БЕЗВЕРШЕНКО,
инженер.

САРАТОВ.

«Феномен публицистической песни» — так была озаглавлена статья-размышление писателя Юрия Андреева, опубликованная 19 августа. Исследуя жанр современной публицистической песни, автор высказал свою точку зрения на творчество Александра Галича. Публикация вызвала большой поток читательских писем, многие из которых не разделяли позиции автора. Часть из них и была опубликована 9 сентября.

Публикуем ответ Юрия Андреева на письма-отклики, а также строки из писем, продолжающих поступать в редакцию.

КАКАЯ НЕ- ПРАВДА ХУЖЕ?

В марте сего года я сдал в печать две работы, разные по материалу, но порожденные общим, единым чувством: резким неприятием спекулятивного мышления тех «половинчиков», которые то ли принципиально не способны, то ли нарочито не хотят видеть жизнь во всей ее многоцветной полноте и противоречивости. Не то сейчас время и не та обстановка в стране, чтобы люди, чье призвание — интеллектуальная деятельность, чей долг — принятие профессионально точных мировоззренческих решений, могли позволить себе самозабвенно, истероидное поведение по типу «нра — не нра». Ныне это уже не милая капризная детскость, это крайняя степень безответственности.

Одну работу — о тех внутренних слабостях, которые заложены в публицистические песни и А. Галича, и его антагонистов и которые рано или поздно проявятся, в августе опубликовала «Советская культура», и эта статья уже породила совершенно естественный для нынешнего нашего времени всплеск страстей.

Читатель В. Акелькин навеки веков предаст меня в своем письме анафеме за то, что я не смею поднять своего пера против «Чурбанова, Шеховцова и Нины Андреевой».

Действительно, глубоко удручает то обстоятельство, что многие так называемые интеллектуалы методологию

аналитического мышления нечисто подменяют эмоциями художественного плана, причем спекулятивно односторонними. Вот проясняющий их образ мышления пример: можно нарисовать портрет плюгавого старикашки с угристым носом, выступившего в свое время в печати с призывом сечь школьников розгами, но можно создать и возвышенно агнографический облик гениального новатора, дерзкого ниспровергателя незыблемых канонов, спасителя тысяч жизней, человека, составившего славу своего Отечества. В обоих случаях я, опираясь на безупречные факты, честно рассказал об одном и том же человеке — великом русском хирурге Пирогове, и в обоих случаях — предвзято лгал, ибо опирался лишь на ту или иную половину фактов. А истина — не эмоционально воспаленная, а действительно полная — заключается в том, что Пирогов был личностью замечательной, но диалектически сложной. Обстругивать ее — это все равно что писать, к примеру, исторический роман о великом Суворове, исключая из книги такие факты, как перевозку им Емельяна Пугачева в Москву на казнь с места пленения и разгром им восставшей Варшавы.

Похоже, что любителей подобных традиций ничего не учит. Мой друг и соратник по многолетней — четвертьвековой! — борьбе за легализацию авторской песни Игорь Каримов в ответ на спокойный призыв увидеть всю множественность разнонаправленных тенденций в творчестве А. Галича стал оспаривать ни одну из них, их для него нет (Суворов в его системе координат не мог везти Пугачева в клетке). Вместо аргументации он привлек для доказательства своей правоты такие-то вот интонации: «Меня не удивило все негативное, что выплеснулось в своей статье Ю. Андреев. Да, он всегда так говорил, он так думал, он так воспитан, он такой есть. Удивительно другое: откуда вдруг такой елей в конце статьи? Захотелось быть современным? Или как?»

«Или как», дорогой Игорь, «или как!» В моей статье содержатся факты и раздумья о том, что творчество А. Галича не сводится к одному цвету. Есть у него свои очень сильные и в то же время слабые стороны, и говорить о них в их совокупности — это и значит быть по-научному современ-

ным в отличие от тех, кто способен оперировать лишь полярно разнесенными и не совместимыми в их двухмерном пространстве терминами «негатив» и «елей».

Что же касается того, что «он так воспитан, он такой есть», тут ты, Игорь, совершенно прав. Тридцать лет работы в Пушкинском доме АН СССР позволили мне реально и конкретно познать сопоставительные размеры художественных величин в масштабах тысячелетней истории нашей великой литературы. Привили своего рода иммунитет к экзальтированным восторгам по поводу шумных явлений, сколь быстро и громко возникающим, столь же тихо и незаметно опадающим. Приучили с историческим пониманием относиться к тому, что даже крупнейшие художники слова мучались в поисках истины и даже противостояли в этих мировоззренческих поисках один гигант другому...

Это было как раз в те годы, когда мы с тобой проводили подпольные или полуподпольные песенные слеты, смысл которых был в утверждении права человека на диспуты, на свой взгляд на мир, на гласность — очень задолго до того, как она была у нас возведена в ранг государственной политики. В. Леонидов пишет в редакции, что «мы сникли под ударами тоталитарной машины и продолжали жить в пределах дозволенного, стараясь в меру сил не подличать». Нет, не все «сникли», наше движение насчитывало десятки тысяч человек во всех регионах страны. Недаром же на первый легальный учредительный съезд КСП осенью 1986 года съехались в Саратов представители 130 городов. И вот теперь, в той именно атмосфере раскованности и плюрализма, за которую мы безоглядно бились, ты норюшишь накинуть платок на мой роток, допускаешь личные оскорбительные выпады. Знатная эволюция, однако!..

Вот несколько примеров полного неумения работать профессионально — из тех, что лежат на поверхности.

В качестве главного редактора «Библиотеки поэта» я выступил шесть лет назад на заседании редколлегии этого эталонного издания с призывом резко ужесточить критерии эстетического отбора при планировании томов к изданию. Результаты этой направленности каждый может увидеть, ознакомившись с опубликованным нами стратегическим планом изданий Третьей Большой и Четвертой Малой серий «Библиотеки поэта». Мне ли не знать, не видеть, не чувствовать различий в таланте, в поэтическом уровне между талантливыми стихотворениями А. Галича и песнями воинов-афганцев?.. Но какие только залпы не раздался по вышеозначенному поводу! Но ведь все они пришлось по пустым площадям, ибо при разговоре о публицистиче-

ской, общественно-заостренной песне определяющим критерием является иной, жанрово-определяющий: истинность политической мысли, положенной в основание произведения.

Своеобразие именно публицистических произведений таково, что в случае глубинной истинности, подлинности определяющей его мысли, искренне и истово исповедуемой автором, вещь его живет и переживает эфемерный век тысяч и тысяч художественно округлых произведений, и возрождается снова и снова в памяти других поколений. Пример? Да хоть «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Пусть хоть кто-либо из эстетов докажет мне высокие, чисто художественные достоинства его! У этого жанра свои законы, которые, естественно, не столько противостоят художественной талантливости, сколько сосуществуют с нею.

Хочу лишь кратко остановиться на тех контраргументах, где проблемы филологии уже напрямую переходят в проблемы политические и нравственные, еще и еще раз подчеркивая, сколь непростое заниматься гуманитарными вопросами.

В. Акелькин в своем «Открытом письме» ко мне, которое — вопреки правилам чести — мне лично он не прислал, вспоминая песню А. Галича «Ошибка» («Мы похоронены где-то под Нарвой...»), пишет о праведном гнев А. Галича по поводу тех слухов народа, что баловались кабаньей охотой в местах, где полегла в сорок третьем пехота, без толку, зазря (все равно, под Нарвой или Псковом), и в нынешней критике А. Галича ему, В. Акелькину, слышатся «лицемерные статьи Мейсаков».

Я полностью разделяю негодование А. Галича против той циничной барствости, о которой он пел. Но ведь в чем заковыка: А. Радищев не позволил бы себе столь барственной небрежности при разговоре о столь важных вещах! Под Нарвой пехота полегла не в 43-м, а в первый раз — в 41-м, и спасла тем самым мой Ленинград, а второй раз — в 44-м, и открыла дорогу к освобождению всей страны и народов Европы (то же самое и по отношению к Пскову, который вы небрежно упоминаете, тов. Акелькин). И теперь после подобных корректив к понятию «без толку, зазря» я напряженно спрашиваю вас: как по-человечески смеее вы говорить о «лицемер-

ных писаниях Мейсаков»? Уж вы-то определенно читали его статью в «Вечернем Новосибирске» 1968 года и знаете из нее, что этот человек в тяжелейших боях Отечественной войны был смертельно ранен, выжил, потерял обе ноги и не может забыть тех замечательных ребят, своих однополчан, которые положили на войне свои жизни за то, чтобы спасти лично вас и весь остальной мир от коричневой чумы. Когда этот человек услышал с эстрады в своем родном городе песню А. Галича о том, что эти ребята полегли «зазря», он не мог кровью сердца не написать своей статьи, и согласны вы с ее положениями по существу или нет, как у вас рука-то поднялась написать о его «лицемерных писаниях»? О какой же нравственности вы толкуете?

Мне трудно решить, какая неправда и односторонность хуже — старая или новая. И когда Е. Александров примирительно пишет в редакции: что, дескать, за беда, если немного переберем? — я не вижу той границы, на которой он готов остановиться, создавая новую ложь, новые мифы. Впрочем, Е. Александров просто следует общим тенденциям наших стадных шараханий справа налево и обратно. Меня гораздо больше огорчают те профессионалы, которые, все отчетливо осознавая, становятся во главе этих шумных перебежек. Вот и опытный критик Т. Хлопьянкина в «ЛГ» от 6 сентября пишет по поводу моей статьи, будто я озабочен тем, чтобы «ни в коем случае не перехвалить А. Галича». Да полноте, уважаемая Татьяна Михайловна, неужели смысл моей статьи о публицистической песне сводился к такой-то мелочности?

Жизнь, мой дорогой Игорь Каримов, увы, коротка, и безмерно жаль отдавать этот малый отрезок времени истовому служению скольким половинкам. Эта мысль тем более касается нас, нынешних, которым, уверен, уже в ближайшие не годы, но месяцы необходимо будет принимать ответственные, весьма взвешенные, по-настоящему объективные решения — по проблемам отнюдь не только искусствознания.

Ю. АНДРЕЕВ,
главный редактор «Библиотеки поэта», секретарь правления Ленинградской писательской организации.